

Глава 20. Одинокая могила

Теперь в глазах Чэнь Яня его спутник перестал быть просто благородным странником. Тот оказался главой великого ордена, чья судьба, возможно, была опутана узлами старой вражды с семьёй Чэнь. И он тоже искал Чэнь Цзина.

Эти тайны выросли между ними глухой, непреодолимой стеной. И пока её не разрушить, любая встреча обречена на неловкое молчание.

Но даже теперь Чу Тянькоу без колебаний пришёл на выручку.

Чэнь Янь впервые так остро, до боли, ощутил собственное ничтожество.

Сжав кулаки, он лишь молча кивнул и, собрав последние силы, взвалил А-Цина на спину. Ноги задрожали под этой ношей. Чэнь Янь пошатнулся, едва не выронив тело, но устоял и сделал первый, самый трудный шаг.

Пройдя немного, он с удивлением понял, что мальчик на его плечах совсем лёгкий. Должно быть, из-за страшной раны в груди из него вытекла вся кровь до капли.

Чу Тянькоу не позволил слугам вмешиваться. Опираясь на плечо человека в бирюзовом одеянии, он медленно шёл следом.

Они шли долго, очень долго. Чэнь Янь давно потерял счёт времени и перестал чувствовать собственное тело. Он двигался механически, ведомый лишь слепой, упрямой волей.

Наконец донёсся слабый цветочный аромат. С каждым шагом он становился всё гуще, пока совсем не заглушил тяжёлый дух свежей крови.

Слуги опустили гроб на траву. Чэнь Янь бережно уложил туда А-Цина, причёсал ему волосы и поправил складки одежды. Глядя на умиротворённое лицо мальчика, он вдруг почувствовал, как к горлу подступил удушливый ком. Он низко опустил голову и всхлипнул.

Растрёпанные волосы скрыли его лицо. Чу Тянькоу видел лишь, как он вздрагивает, пытаясь сдержать рыдания.

С самого Тунчжоу, спасаясь от бесконечных погонь, этот юноша жаловался на боль, ворчал от усталости, но ни разу не заплакал. В самые отчаянные минуты он всегда находил силы для колкой, раздражающей шутки.

Чу Тянькоу казалось, что тот останется таким навсегда. Но теперь он увидел: Чэнь Янь тоже умеет плакать.

Да и как тут не плакать? Чу Тянькоу вспомнил, что сам в последний раз проливал слёзы три года назад. Тогда он тоже навсегда лишился того, кто был ему дорог.

Безмолвные слёзы быстро иссякли. Чэнь Янь подошёл к Чу Тянькоу, но остановился в нескольких шагах, словно намеренно держа дистанцию.

— На этом всё, дальше я справлюсь сам, — негромко произнёс он. Из-за подступивших слёз он слегка осип, и привычный холодный тон зазвучал неожиданно мягко. — Ты тяжело ранен. Возвращайся на постоянный двор, тебе нужно перевязать раны.

Чу Тянькоу сделал шаг вперёд:

— Как ты в одиночку справишься с гробом? Моя рана — пустяк, я подожду тебя здесь.

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать, удивив его самого. Для Чу Юньшу и остальных это выглядело бы обычным благородством. Но сам он почувствовал, как в груди шевельнулось иное, едва уловимое чувство.

Он ещё не понимал, что это. Просто в эту минуту ему отчаянно захотелось, чтобы Чэнь Янь снова обрёл покой и улыбнулся. Ему слишком нравилась эта улыбка.

Чэнь Янь не стал спорить. Он отошёл к поляне у цветочных зарослей. Слуги, покупая гроб, предусмотрительно захватили две лопаты и теперь шагнули вперёд, готовые копать.

Чэнь Янь остановил их:

— Я сам.

На этот раз слуги не уступили. Один из них тихо заметил:

— Молодой господин, раны нашего хозяина требуют ухода, медлить нельзя...

Чэнь Янь замер, затем молча кивнул и отступил.

Слуги быстро вырыли могилу. Чэнь Янь нашёл обрубок доски и кинжалом криво вырезал на нём несколько слов: «Могила А-Цина».

Без фамилии — он так и не смог вспомнить, кем был этот мальчик до того, как попал в поместье Чэнь. И всё же А-Цин без колебаний отдал за него жизнь.

Вкопав табличку у изголовья, Чэнь Янь долго смотрел на свежую землю. Всё происходящее

казалось ему тяжёлым, затянувшимся сном.

Осенний дождь принёс сырую прохладу. Ветер шумел в кронах деревьев, чьи тени в полумраке казались призраками. Стараясь не медлить, путники поспешили назад, к постоялому двору.

Убедившись, что раны Чу Тянькоу перевязаны, а он выглядит лучше, Чэнь Янь решил уйти.

Глядя на его отрешённость — сейчас перед ним стоял совсем не тот оживлённый юноша, с которым они разговаривали утром, — Чу Тянькоу вдруг почувствовал: если отпустить его сейчас, они могут больше не встретиться.

Он протянул Чэнь Яню бумаги, которые слуги забрали у преследователей:

— Здесь несколько рецептов, они явно связаны с твоим ядом. Покажи их лекарю Мин Бугую, вдруг он сумеет приготовить противоядие.

Чэнь Янь нахмурился, не решаясь взять эти листки. Он ведь всего лишь чужак в чужом теле, неприкаянный призрак. Какое право он имеет принимать чужую заботу?

Видя его нерешительность, Чу Тянькоу сам взял его за руку, вложил бумаги в ладонь и бережно сжал пальцы, после чего отпустил.

— Спасибо, — тихо выдохнул Чэнь Янь.

— Тебе не за что меня благодарить, ведь мне тоже нужна твоя помощь, — после секундного колебания заговорил Чу Тянькоу. — Скажи, ты помнишь, что случилось три года назад в поместье Чэнь, на загородной вилле Цветущего Лотоса? Я понимаю, тебе сейчас не до расспросов, но если ты хоть что-то знаешь...

— Я не знаю, — прервал его Чэнь Янь. Ему больше не хотелось лгать этому человеку. — Я действительно ничего об этом не знаю.

Заметив, как собеседник помрачнел, Чэнь Янь помедлил и добавил:

— Возможно, господин Гу что-то слышал. Я попрошу его разузнать. Если что-то выяснится, я сразу тебе сообщу.

Чу Тянькоу кивнул.

— Ну, я пойду, — прошептал Чэнь Янь.

Чу Тянькоу поднялся. Глядя, как юноша разворачивается, чтобы уйти, он приоткрыл рот, но так и не смог вымолвить ни слова. Будучи Линь Пи, он мог звать его Цзыюй, но теперь, став Чу Тянькоу, — какое имя ему назвать?

Пока он медлил, Чэнь Янь уже спустился по лестнице в пустой трактир, где слуга как раз прибирал столы. Чэнь Янь бросил ему последнюю мелкую серебряную монету, забрал из его рук два кувшина с дешёвым вином и вышел за порог.

Чу Тянькоу подозвал одного из слуг:

— Ступай за ним незаметно. Убедись, что он вернулся в поместье Гу, и только тогда возвращайся.

Цзиньчуань был богатым городом. Даже глубокой ночью жизнь здесь не затихала: горели огни в питейных заведениях, по мостовым изредка катили экипажи.

Чэнь Янь шёл стороной, выбирая безлюдные переулки. Мелкий холодный дождь затекал за воротник, заставляя вздрагивать, но этот холод приятно остужал горячую голову.

Перед глазами снова и снова вставал свежий холмик у жёлтых цветов. А-Цин мёртв. Он сам принёс его туда.

Но самое страшное — мальчик отдал жизнь вовсе не за того молодого господина, которого преданно любил. Настоящий хозяин давно сгинул в неизвестности у Терема Туманного Дождя. Тот же, кто занял его тело, поначалу даже имени преданного слуги не знал. Выходит, А-Цин погиб ни за что.

«Какая глупая, напрасная смерть», — усмехнулся про себя Чэнь Янь.

Раньше он всеми силами цеплялся за Чу Тянькоу, дрожа над собственной шкурой. Но человеческая жизнь, которую он так ценил, оборвалась на его глазах в одно мгновение, легко и просто. Сколько ещё таких же бедолаг бесследно сгинуло в том сыром, тёмном ущелье?

Чэнь Янь наконец осознал горькую истину этого мира: человеческая жизнь здесь не стоит и гроша, а смерть — дело обыденное.

Сам того не замечая, Чэнь Янь забрёл к поместью Чэнь. Со стороны главных ворот слышался частый стук копыт. В темноте заплескали отсветы факелов — конный отряд спешно уходил на северо-восток.

Всё шло так, как он и предполагал. К этому часу Мяо Бусю наверняка уже успел доложить Чэнь Цзюню о разгроме в ущелье, и тот без промедления отправил людей заметать следы.

Чэнь Янь поднял голову. Дождь почти прекратился, но тяжёлые тучи плотно затянули небо, скрыв луну.

Тем лучше. Ночь темна, ветер крепчает — идеальное время для поджога.

Он привычно пролез внутрь через лаз. Огромный пёс узнал знакомый запах и лишь послушно приник к земле, не издав ни звука. Из-за того что охранников отправили в ущелье, усадьба почти опустела.

Должно быть, память прежнего хозяина тела слишком глубоко въелась в плоть: Чэнь Янь безошибочно находил заброшенные тропинки и тёмные закоулки, легко обходя редкие патрули. Выбрав одну из нежилых комнат неподалёку от кабинета, он сорвал печать с кувшина и сделал большой глоток.

Обжигающее вино подстегнуло силы. Он щедро выплеснул содержимое обоих кувшинов на деревянные двери и резные перила галереи, а затем снял с каменного столба у дорожки бумажный фонарь.

Спустя пару минут яркое пламя весело побежало вверх, окрашивая небо над поместьем в багровые тона. По усадьбе разнеслись панические крики: «Пожар! Горим!», в темноте замечались испуганные слуги.

Воспользовавшись суматохой, Чэнь Янь поспешил обратно к лазу. Но стоило ему подойти к стене, как из темноты раздался резкий окрик:

— Стой! Кто идёт?

Обернувшись, он увидел стражника с деревянным ведром в руках. Тот бежал тушить огонь, но наткнулся на подозрительного полуночника.

Не обращая внимания на окрик, Чэнь Янь опустился на колени, намереваясь пролезть под забором. Заметив это, стражник бросил ведро, с сухим щелчком выхватил из ножен клинок и бросился в атаку.

Но из ночной тьмы беззвучно скользнула сталь. Метательный нож по самую рукоять вонзился в запястье нападавшего. Мужчина вскрикнул, выронил оружие и, баюкая окровавленную руку, со стоном повалился на землю.

Чэнь Янь быстро выскользнул наружу, поднял глаза на черепичную крышу соседнего дома, но там уже никого не было.

Поразмыслив, он легко догадался, кто пришёл ему на выручку. Исполнителя он мог и не знать, но имя заказчика угадывалось без труда.

Дело сделано. Чэнь Янь бросил последний взгляд на бушующее за стенами пламя и зашагал прочь, к поместью Гу.

Конечно, этот небольшой пожар не причинит Чэнь Цзюню серьёзного вреда — разве что заставит побеситься от бессильной злости. Но для самого Чэнь Яня это было началом.

Оказывается, мстить и жечь не так уж трудно. И он только что это доказал себе.

Добравшись до поместья Гу, Чэнь Янь не рискнул идти к парадным воротам, а направился к той самой неприметной калитке, через которую ушёл утром. Но стоило ему коснуться кольца, как дверь тихо скрипнула и приоткрылась сама.

Из темноты показался взволнованный господин Гу. Увидев беглеца, старик торопливо втащил его внутрь и задвинул засов.

Проводив Чэнь Яня взглядом до калитки поместья Гу, слуга вернулся к хозяину. Услышав о том, что юноша на обратном пути умудрился поджечь поместье Чэнь, Чу Тянькоу сначала изумлённо замер, а затем тихо рассмеялся:

— А я его недооценивал.

Впрочем, этот поступок на удивление точно подходил Чэнь Яню. Тот любил притворяться глуповатым простаком, которому ни до чего нет дела, но на самом деле был хитёр и всё прекрасно понимал. Он чётко разделял добро и зло, ведя в голове строгий учёт каждой обиде и каждому долгу.

Они молча дошли до маленького дворика, где жил Чэнь Янь. На лице господина Гу всё ещё читалась неприкрытая тревога. Оглядев изорванную, испачканную одежду юноши, он торопливо зашептал:

— Да что же стряслось? Где ты пропадал? Линь И ушёл искать тебя ещё в полдень и до сих пор не вернулся. Я места себе не находил, а ведь поднять людей на поиски не мог — всё должно оставаться в тайне! Ты хоть понимаешь, как я извёлся?